

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

ТРУДЫ, т. СХХ

ПАМЯТИ
МИХАИЛА СТЕПАНОВИЧА
АНДРЕЕВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
по истории и филологии
народов Средней Азии

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
СТАЛИНАБАД
1960

А. С. МОРОЗОВА

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СЮЖЕТА КАРАКАЛПАКСКОЙ ПОЭМЫ «КЫРК КЫЗ»

Среди многочисленных образцов героического эпоса народов Средней Азии обращает на себя внимание богатством и оригинальностью содержания каракалпакская поэма «Кырк кыз» («Сорок девушек»). Как всякое народное произведение, живущее в памяти сказителей, поэма «Кырк кыз» является произведением собирательным, отражающим в равной мере древние и новые события из жизни народа. В поэме чрезвычайно много архаического: в ней есть описания древнейших анимистических верований, старинных народных обычаев и поверий, замечательные легенды.

Ученые, работающие над вопросами истории каракалпакского народа, оценивают поэму как интереснейший исторический документ, освещающий наиболее древние культурные традиции каракалпакского народа.¹ Но, наряду с древними традициями и мотивами, в поэме описываются события, относящиеся к новому историческому периоду — концу XVII — началу XVIII вв.

Несомненно, это интересное произведение будет в ближайшем будущем объектом тщательного изучения коллектива специалистов литературоведов и историков.²

Встанет перед исследователями и вопрос об авторстве поэмы. Обращаясь к самой поэме, мы находим в ней некоторые данные, проливающие свет на этот вопрос. Начиная «сказ», народный сказитель Курбанбай Таджибаев, со слов которого записана поэма (каракалпак из рода кара-мангит, родился в конце XIX в., умер в июле 1958 г.), сообщает имена своих предшественников — сказителей этой поэмы: Джиенмурат, Казакбай, Шанкай, Халмурат и Джиен-джирау (каракалпак племени муйтен, рода апыз, живший в конце XVII—середине XVIII вв.). Так как Джиен-джирау назван в перечне последним, ясно, что поэма не могла быть создана позднее XVIII в. Исследователи каракалпакской литературы приписывают Джиен-джирау многие произведения, написанные прекрас-

¹ С. П. Толстов, К вопросу о происхождении каракалпакского народа. Кратк. сообщ. Инст. этнографии АН СССР, II, 1947, стр. 74.

² Подстрочный перевод поэмы, сделанный О. Кожуровым в 1945 г., остался неопубликованным. В печати на русском языке появились два перевода: «Кырк кыз, каракалпакский эпос». Записано со слов народного певца Каракалпакии Курбанбая бахши, перевела с каракалпакского С. Сомова (Ташкент, 1949); «Кырк кыз» — сорок девушек, каракалпакская народная поэма, в переложении Арсения Тарковского (Москва, 1951).

ным эпическим слогом, почти белым стихом, весьма отличающимся от языка народных поэтических произведений.¹

Являлся ли Джиен-джирау народным сказителем, пересказывавшим народное сказание без индивидуальной его обработки, или он был автором значительной его части, облекшим свой поэтический замысел в драгоценные одежды древних сказаний? Отдельные части поэмы написаны настолько «литературным» языком, в них так много арабских и персидских терминов, что складывается убеждение, что либо поэма подвергалась большой литературной обработке со стороны сказителей, либо она является плодом индивидуального творчества сильного профессионального автора.

Весьма вероятно, что Джиен-джирау был автором талантливого монтажа, состоящего из индивидуальных рассказов и отрывков из различных народных эпических сказаний.

Для разрешения этого вопроса придется произвести внимательное сравнение разных вариантов исторических и поэтических преданий, посвященных теме амазонок, обнаруженных в литературе различных народов, исторические судьбы которых были в прошлом крепко связаны с судьбой каракалпакского народа. Фольклор всех народов Средней Азии хранит различные варианты преданий о девушках-амазонках. Одно из народных преданий киргизов связывает с Кырк кыз происхождение киргизского народа.² В различных районах Средней Азии встречаются населенные пункты и древние архитектурные памятники, носящие название Кырк кыз.

Кроме фольклора народов Средней Азии, необходимо поискать параллели в литературе тюркских народов Кавказа.³ Особое внимание должно быть обращено на изучение народной литературы ногайцев Северного Кавказа, с которыми каракалпаки с XIII по XVI вв. были в одном племенном союзе. В настоящее время родо-племенной состав, язык и быт каракалпаков и ногайцев очень близки друг другу.⁴

Некоторые эпические народные произведения каракалпаков («Кобланбатыр», «Ормамбетнынг джилау» и др.) называют каракалпаков ногайцами. В поэме «Кырк кыз» род отца героини называется аз-ногай (малые ногаи). Фактически это имя является не родовым именем, а названием одной из трех частей бывшего ногайского племенного союза после его распада в XV в. В исторических документах времени Ивана Грозного есть указание о разделении ногайцев на три группы: большие ногаи (или шесть сынов), откочевавшие с низовьев Волги на восток в бассейн рр. Эмбы, Яика, Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, среди которых были и каракалпаки; малые ногаи и едисановские ногаи (еттисан), передвигавшиеся с низовьев Волги на запад и юг (Северный Кавказ).⁵

Отнесение сказителями основных действующих лиц поэмы к малым ногаям, откочевавшим в конце XV в. с мест прежнего жительства на

¹ Одно из лучших произведений Джиен-джирау «Поскан-эль» впервые было опубликовано в альманахе каракалпакской литературы «Возрожденный народ» (Нукус, 1940).

² Ч. Ч. Валиханов, Статьи (из черновых бумаг). Переписка. Алма-Ата, 1947, стр. 88.

³ В Азербайджане есть предание о сорока девушках; несколько географических пунктов на территории Азербайджана носят название Кырк кыз. Предание о сорока девушках имеется в народной литературе крымских татар. Следы преданий об амазонках сохраняют и кабардинский фольклор. Основные древние предания об амазонках также приводят исследователей к территории юго-восточной Европы.

⁴ Интересно отметить, что в списке ногайских родов, зафиксированных Дебу в 1829 г., есть род апыз, из которого происходил сказитель поэмы «Кырк кыз» Джиен-джирау (Дебу, О кавказской линии, Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа, Тифлис, 1829).

⁵ П. Г. Бутков, Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г., СПб., 1869, гл. 39, стр. 169—170.

Северный Кавказ, обязывает крайне внимательно отнестись к изучению фольклора народов Кавказа.

Обращаясь к топонимике поэмы, мы найдем много указаний на Кавказ. Место основного действия поэмы носит имя Саркоп. Для Средней Азии это совершенно чуждый термин, в то время как на Северном Кавказе часто встречаются названия поселений, образованные при помощи слова «коп» (Майкоп, Саркоп и др.). Слово «коп» (куп) у ногайцев означает родовое селение, первый же слог названий может быть усеченным родовым именем.¹

Встречающиеся в поэме названия леса Канес, озера Сухсур и другие ближе к Кавказу, чем к Средней Азии.

Вообще географические ландшафты, описываемые в поэме, мало напоминают территорию Приаралья и Хорезма, хотя в поэме встречаются имена: Туркестан, Чирчик, Хорезм. В поэме описываются горные каменистые дороги, низвергающиеся с крутизны реки, горы, покрытые лесами, и пр. Ничего подобного не могли сказать создатели поэмы о песчаных равнинах Кызыл-Кумов и бедных красотах природы низовьях рек Сыр- и Аму-Дарьи.

Было бы интересно вскрыть происхождение названия местности Кызлар, находящейся на западном побережье Каспийского моря, и сравнить топонимику местности, лежащей в низовьях Терека, с топонимикой района действия героев поэмы. Особенно интересны названия островов, образованных дельтовыми протоками Терека — в поэме крепость Гулаим была построена на острове.

Исторические события, происходившие на Прикаспийском побережье в конце XVII—начале XVIII вв., необычайно напоминают основной сюжет поэмы «Кырк кыз». Кавказ в конце XVII в. подчинялся Персии. Беспорочное царствование Хусейн-хана характеризовалось разорительными военными походами и непрекращающимися войнами между различными племенами Кавказа.² Тема племенных войн красной нитью проходит во всех исторических поэмах народов Средней Азии, отражающих позднее средневековье («Едеге», «Коблан-батыр», «Алпамыш» и др.). Поэма «Кырк кыз» не является исключением. Отличается она тем, что основные события борьбы и имена некоторых героев поэмы соответствуют исторической действительности, зафиксированной письменными источниками.

Нам представляется, что источником для созданного Джиен-джирау основного сюжета поэмы «Кырк кыз» могли быть обстоятельства борьбы тюркских племен Северного Кавказа конца XVII—начала XVIII вв. В этом убеждает приводимое ниже сравнение имен основных действующих лиц и всей обстановки борьбы.

Основной сюжет поэмы «Кырк кыз»

Гулаим, дочь богатого племенного вождя Аллаяра (из народа аз-ногай),—предводи-

Исторические данные
о племенных войнах
на Северном Кавказе
в начале XVIII в.³

Многолетняя кровопролитная борьба происходила между усмием каракайтагско-

¹ Среди родовых названий ногайцев Северного Кавказа в наши дни есть название «саркел», т. е. «жители Саркела» (Саркел—древняя крепость на Дону времени хазар — X в.).

² Е. Кушова, Северный Кавказ и международные отношения XVI—XVII вв., «Исторический журнал», 1943, № 1.

³ П. Г. Бутков, ук. соч., стр. 17, 27, 215—217, 251; А. К., Казы-кумыхские и кюринские ханы, Сб. сведений о кавказских горцах, в. 11, Тифлис, 1869, стр. 9 и 14.

тель отряда, состоящего из 40 девушек. Девушки живут отшельницами в крепости, выстроенной на острове Мивали, и совершенствуются в военном искусстве. Во время «тренировочного» выезда отряда девушек в горы селение Саркоп подвергается нападению врагов — калмыков, которых возглавляет жестокий тиран Суртайша.

Суртайша убивает отца и братьев Гулаим, а народ угоняет в полон. Среди пленных — родственники и мать Гулаим. Девушки отправляются воевать в страну Суртайши. По дороге к ним присоединяется любящий Гулаим чужеземец, царевич далекого Хорезма. Он самоотверженно помогает отряду девушек в их борьбе с врагами.

Отряд Гулаим одерживает победу над врагами. Гулаим становится женой хорезмского царевича. В это время Надир-шах нападает на Хорезм, и Гулаим с мужем отправляется освобождать Хорезм. После победы над Надир-шахом Гулаим возвращается на родину, в Саркоп, и становится правителем своей страны.

го племени Султан-Ахмедом, имевшим красавицу дочь Тути-бике (или Тотай-бике), и вождем казыкумьского народа в Дегестане Сурхай-ханом (или Суртай-шахом).¹

Захватнические набеги Сурхай-хана превращались временами в религиозную войну, так как казыкумьские племена были суннитскими, а каракайтагские — шиитскими.

Борьба была необыкновенно жестокой. Отдельные пункты владения усмия Ахмеда были Сурхай-ханом совершенно уничтожены, а население насильственным порядком переселялось на другие места. Усмий Ахмед погиб во время этой борьбы (около 1715 г.), борьбу с Сурхай-ханом продолжали его дети — сын и дочь. Им активно помогал чужеземец — наместник Астрабада Фетали-хан, за которого затем вышла замуж Тути-бике. Кроме Сурхай-хана, грабили каракайтагцев астраханские калмыки, возглавляемые Аюка-ханом,² и «карательные» отряды Надир-шаха, стремящегося собрать в кулак рассыпающееся государство Хусейна. После смерти Надир-шаха Фетали-хан овладел значительной территорией Каспийского побережья; Тути-бике стала правительницей Дербента, пока Дербент был под властью ее мужа.

Приведенное выше сопоставление сюжета поэмы и исторических сведений о борьбе племенных вождей народов Северного Кавказа, от-

¹ Историческими источниками Сурхай-хан казыкумьский рисуется необычайно предприимчивым, коварным и жестоким племенным вождем, который держал в страхе Каспийское побережье Кавказа до воцарения в Иране Надир-шаха. Впоследствии он был побежден Надир-шахом.

² В целях обеспечения безопасности русским торговым караванам, направлявшимся в Иран по побережью Каспия, Петр Великий по договору с иранским шахом Хусейном направил на Кавказ войска и сам возглавлял этот поход. Союзником его был хан астраханских калмыков Аюка. Русские исторические источники говорят, что тюркские племена Кавказа были сильно разорены калмыками. «Аюка-хан увел в свои улусы из этого похода более тысячи кибиток тамошних татар» (П. Г. Бутков, ук. соч., стр. 373).

носящихся к XVII—XVIII в., обязывает исследователей поэмы «Кырк кыз» обратиться к изучению истории и народной литературы родственных каракалпакам народов Кавказа. До настоящего времени не изучен вопрос о культурных связях, существовавших между тюркскими народами Средней Азии, особенно северного Хорезма, с тюрками Северного Кавказа в период позднего средневековья. Весьма вероятно, что некоторые певцы и поэты каракалпаков получали образование в Дербенте, что способствовало проникновению в литературу каракалпаков северокавказских сюжетов.¹

¹ После сдачи нами настоящей заметки для опубликования в печати появилась статья Т. А. Жданко (Каракалпакская эпическая поэма «Кырк кыз» (Кратк. сообщ. Инст. этногр. АН СССР, XXX, М., 1958, стр. 110—120), в которой автор дает интересный исторический анализ содержания поэмы и высказывает предположение о том, что сюжет поэмы отражает исторические события, происходившие в Средней Азии в XVII в. (разгром сыр-дарьинских каракалпаков калмыками в 1723 г. и завоевание Хорезма Надир-Шахом в 1740 г.).

Однако доводы автора не снимают нашего предположения о возможном использовании поэтом Джиен-джирау знакомых ему исторических событий, происходивших на Северном Кавказе в XVII—XVIII вв., все же древние черты, отраженные поэмой, в равной мере свойственны истории всех народов, населяющих Северный Кавказ и северо-западные районы Средней Азии.

А. С. МОРОЗОВА

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ РАБОЧЕГО КЛАССА КАЗАХСТАНА

(По материалам экспедиции Государственного музея этнографии народов СССР, 1959 г.)

Этнографическим изучением рабочего класса Казахстана занимались очень мало. Специальных экспедиций для изучения быта и культуры рабочих-казахов не предпринималось ни центральными, ни местными этнографическими учреждениями, если не считать кратковременной командировки в Караганду Н. А. Оразбаевой, результаты работы которой не были опубликованы. Поэтому нам кажется, что материал о казахских рабочих, собранный экспедицией Государственного музея этнографии народов СССР в 1959 г. среди шахтеров Караганды, будет представлять известный интерес.

В предлагаемой статье мы не можем дать широких выводов и обобщений, так как работа по этнографическому изучению рабочего класса Казахстана нами только начата и для подобных выводов еще недостаточно материала. Хотелось бы только поделиться опытом изучения национального рабочего класса и привести некоторые сведения.

Работа велась нами на 12 шахтах Караганды двумя путями:

а) путем посещения семей и непосредственного наблюдения их быта, опроса старых и молодых производственников и членов их семей, записей рассказов, заполнения посемейной анкеты и б) путем раздачи анкет шахтерам-казахам — только по вопросам формирования современных рабочих кадров. Первым путем были обследованы 30 семей шахтеров, вторым — 349 рабочих и инженерно-технических работников.

Полученный нами материал касается следующих вопросов:

1) пути формирования и состав рабочих-шахтеров Караганды до Великой Октябрьской социалистической революции;

2) положение шахтеров Караганды до революции — с конца 1890-х годов до 1917/18 г.: условия найма, организация труда, производственные условия, быт рабочих, их жилищные условия, бюджет семьи рабочего, одежда, питание и др.;

3) современное положение шахтеров, производственные и бытовые условия, новые черты быта, состав и структура семьи, сохранение в быту национальных черт;

4) формирование современных кадров рабочих.

* * *

Карагандинское каменноугольное месторождение является одним из старейших центров добывающей промышленности Казахстана. В 1830-х гг. здесь был случайно обнаружен уголь пастухом-казахом Апаком Бажановым. Существует предание, будто молодой пастух Апак, охотясь за сурком, загнал его в нору, забросал ее кизяком и поджег, чтобы выкурить зверька. Когда на другой день он пришел к норе, то увидел горящие черные камни. Апак взял их и показал отцу, а тот —

русскому инженеру, который определил эти черные куски как каменный уголь. За находку месторождения Апак получил 100 руб.

В 1850-х гг. русский купец Ушаков купил у бая Иглиха Утепова и его сыновей эту местность площадью в 100 кв. верст за 250 руб. С 1857 г. начали закладывать шахты и добывать уголь. Первоначальное число рабочих было незначительным. В первый год на первой выработке «Ивановский разрез» работал 61 человек и было добыто 59 тыс. пудов угля. Через десять лет (1867 г.) на шахтах Караганды работало 110 чел., в 1877 г. — 173 чел., в 1880 г. — 226 человек.

Но работа в шахтах часто носила сезонный характер: на зиму, как правило, большинство шахт закрывалось и рабочие-казахи уходили в аулы, русские рабочие — в другие места на заработки или шли по домам.

В 1904 г. владелец Карагандинских копей, Спасского медеплавильного завода и Успенского рудника промышленник Рязанов продал их сыну французского президента Карно. В 1907 г. эти предприятия и копи перешли в собственность английского «Акционерного общества Спасских медных руд», которому они и принадлежали до самой революции.

Карагандинское угольное месторождение находилось в центре района, богатого ископаемыми, прежде всего медной рудой. Поэтому открытие и добыча угля в Караганде дали толчок к добыче и обработке меди и, следовательно, постройке медеплавильных заводов. Таким образом, уже в то время Караганда была крупным промышленным центром и, следовательно, одним из первых и старейших очагов формирования и концентрации рабочего класса Казахстана.

Состав рабочих Караганды был многонационален: казахи, русские, украинцы, татары и др.

Полевые материалы, дополняя и подтверждая литературные источники по этому вопросу, говорят, что среди шахтеров Караганды казахи составляли значительную часть. Это были жители ближайших к Караганде областей — Семипалатинской (главным образом из Каркаралинского уезда), Акмолинской и др.

В родоплеменном отношении среди шахтеров Караганды было больше всего представителей рода каракесек, несколько меньше из родов сайдалы, каржас, куандык, сармантай, и лишь единицы — из тобокта, шарахты, суюндык, мурат и др. Все эти роды входили в состав Среднего жуза.

Характерно, что среди современных шахтеров-казахов родовую принадлежность помнят только люди старшего возраста, молодежь может ответить на этот вопрос лишь с помощью родителей.

В социальном отношении кадры шахтеров Караганды в прошлом формировались из бедняков-скотоводов, не имеющих возможности прокормить семью средствами своего хозяйства и вынужденных уходить на заработки, а также из батраков, пастухов и т. д.

Рабочие кадры в значительной мере пополнялись из среды «кедеев», промежуточной группы крестьян между неимущей беднотой — «байгушами» и «консы» и самостоятельными скотоводами — «жай-шаруя». Они имели небольшое количество скота, чаще молочного (коров), жили оседло, на зимовках имели глинобитный или дерновый дом, нередко возделывали небольшие участки земли. Обычно они нанимались сезонными сельскохозяйственными рабочими к баям, русским кулакам-переселенцам и казакам, батрачили в качестве пастухов и т. д. Выходцы из этой среды не порывали связей с аулом, семьи их, как правило, жили там. По окончании сезона работы рабочие на зиму часто возвращались с шахт в родной аул к семье. Из опрошенных нами 24 шахтеров старшего поколения 15 человек оказались выходцами из крестьян — скотоводов и земледельцев, четверо из них, как сообщают информаторы, принадлежали к категории кедеев. Так, Джусунбеков Токиш, ныне почетный шахтер-пенсионер, 1896 г. рождения, — выходец из кедеев; в хозяйстве

его семьи были две коровы, лошадь, дом из шима (дерна). Его отец и он сам до революции вынуждены были наниматься к баям в качестве косцов и пастухов¹. В хозяйстве у отца Абдрахманова Джанаседа, Героя Социалистического Труда, в дореволюционное время имелись: одна корова, одна лошадь, до десятка коз и около 0,5 га земли. В условиях кочевого натурального и полунатурального хозяйства, когда скот давал основные средства существования семьи — и продукты питания в течение круглого года, и материалы для одежды, обуви и оснастки кочевого жилища (кошмы для юрты), либо был предметом товарообмена и продажи, такое количество скота не могло обеспечить даже простого воспроизводства хозяйства и нормального существования семьи. Средств для жизни не хватало, и отец с сыном нанимались в батраки к зажиточным казахам. То же можно сказать и относительно Ибакова Джанайдара — навалотбойщика шахты № 3-бис, ныне пенсионера, а также Сулейманова Кокона. У первого в хозяйстве отца было: 4 лошади, 2 коровы, овцы, у второго — 2 коровы и несколько лошадей². 13 рабочих происходили из крестьян-бедняков, семьи некоторых из них постоянно жили в аулах; шахтеры возвращались в аул после сезона работы и наезжали в период работы — привозили заработанные деньги и гостинцы семье³. Семь человек были потомственными рабочими, являясь представителями второго и третьего поколений шахтеров или заводских рабочих. Так, у почетного шахтера, ныне пенсионера Нуруба Ибрая, 1889 г. рождения, дед Алпыспай и отец Алпыспаев Нуруб были забойщиками в старой Караганде, здесь и умерли. У Серсенбекова Шаймагана с шахты № 8/9 им. Горбачева и у Картыбаева Кенжебека с шахты № 18 отцы были рабочими Спасского медеплавильного завода. У Нурмаганова Габдуллы, Героя Социалистического Труда, Асаинова Шаита, помощника начальника шахты № 8/9, Шакирова Мухая, почетного шахтера — отцы, старшие братья и дяди были шахтерами и рабочими предприятий Караганды, Экибастуза, Кзыл-Эспе и др.⁴

По нашим материалам выявляется, что большинство из этих потомственных рабочих детство и юность все же проводили в ауле со своими семьями, занимаясь сельским хозяйством, или работали по найму в качестве пастухов и батраков у баев и кулаков. Затем вместе со своими отцами или после их смерти нанимались на работу в шахты. Это сочетание рабочих и крестьянских черт в быту, сохранение связей с аулом является характерной особенностью казахского рабочего класса вплоть до начала XX в.

Наем рабочих на шахты происходил двояко: вербовкой на местах через специальных агентов и наймом на шахтах. Большинство приходило наниматься непосредственно на шахты к подрядчикам, которые собирали артели рабочих для различных подземных работ. В артель входили и русские, и казахи, и татары. Численность рабочих в артели колебалась от 5—6 до 10—12 человек и зависела от условий подземной работы. В артель входили 2—4 забойщика, 1—2 разбивальщика угля, 1—2 саночника-откатчика, отгрузчики и вагонеточники. В артели существовало четкое разделение труда. Крепильщики всегда составляли отдельную самостоятельную артель. Большинство крепильщиков были русские.

Подрядчики выкупали подряд на добычу угля у англичан — владельцев шахт. Непосредственно общались с рабочими, давали им задания, записывали норму выработки десятники или нарядчики, смотрители.

Никаких письменных или устных договоров или обязательств подрядчик с рабочими не заключал и в любое время мог их уволить, пере-

¹ Полевая запись 1959 г., № 20. Все полевые записи автора хранятся в Гос. музее этнографии народов СССР в отделе Средней Азии.

² Полевые записи 1959 г., № 10 и 12.

³ Там же, № 1.

⁴ Полевые записи 1959 г.

вести на другую работу. Рабочие находились в полной власти хозяев и подрядчиков и зависели от их произвола. Особенный произвол царил на мелких шахтах. Там были очень высокие нормы выработки и низкие расценки, налагалось большое количество штрафов и т. п. Особенно это практиковалось в те периоды, когда был избыток рабочей силы, предприниматели-англичане прекращали набор на свои шахты и людям некуда было податься.

При найме отбирали наиболее здоровых мужчин, стариков не брали, а мальчиков использовали на наземных работах — коногонами на воре, на подсобных работах. Женщины-казашки до революции в шахтах не работали.

Рабочий день шахтеров продолжался 12—14 часов — от зари до зари, от темна до темна, как говорили наши информаторы. Условия работы в шахтах были тяжелые: вентиляции не было, часто скоплялся газ, освещение было совершенно недостаточное. У рабочих были жестяные лампочки-коптилки, прикрепляемые к поясу во время ходьбы и заправленные мазутом, животным жиром или конопляным маслом. От мазута и жира в забое и штреках стояла сильная копоть — человека не было видно; конопляное масло давало меньше копоти, но было дорого, его употребляли значительно реже. В некоторых шахтах забойщикам выдавали большие стеариновые свечи, которые прикреплялись, как и лампочки, на выступах и в углублениях стен в забое⁵. Старые шахтеры сообщали, что нередко голодные рабочие выливали из лампочек животный жир и ели его, за что подвергались штрафам⁶.

Позднее были введены металлические лампы с крючком для подвешивания; на лампах было выштамповано: «бог в помощь». Оттого, что огонь в лампочках был открыт, в периоды скопления газа часто бывали взрывы и обвалы, влекущие за собою увечья и человеческие жертвы.

В штреках и забоях было много воды, дощатых настилов не было и возить тачки и вагонетки с углем было очень тяжело⁷. Креплений было мало, особенно в забое. Во многих шахтах спуск происходил по деревянным лестницам, поставленным внутри узкого, 80—100 см в сечении, обшитого досками ствола; в редких случаях спускались и подымались в клетки. В бадьях хозяева опасались спускать рабочих, так как бадья раскачивалась и ударялась о стены и находящийся там человек мог быть убит. Лестницы шли под углом уступами. Рабочие после наряда спускались в шахту один за другим, криками предупреждая друг друга, чтобы не столкнуться. Специальной производственной одежды, предохраняющей от ушибов и травм, шахтерам не выдавалось, на работу в шахту они надевали обычную старую, поношенную одежду и обувь, на голову — меховую или войлочную шапку «борик», на голое тело надевали овчинную куртку «тон» и такие же штаны «шалбар». Ноги обворачивали куском кожи, овчины или портянками, обматывали веревками, чтобы не попадал уголь; носили кожаные сандалии или прикрепляли к ступням деревянные дощечки. Из снятой с ног лошадей или коров шкуры шахтеры сами шили себе род кожаных чулок и рукавицы. Если в забое было жарко, куртку снимали.

Все наши информаторы говорили об очень высоких нормах выработки, устанавливавшихся хозяевами и подрядчиками, очень часто невыполнимых для рабочих⁸. На разных шахтах и у разных хозяев нормы были не одинаковые. Так, забойщик или кайловщик должен был, по словам Сихимбаева Бекбосына, вырубить за смену 1 кубометр,

⁵ Полевая запись 1959 г., № 17.

⁶ Там же, № 7.

⁷ Там же, № 29.

⁸ Там же, № 38.

г. е. 1200—1500 кг угля. Егизгельдынов Абдраим называл цифру 0,7 куб. метра, Шакиров Мухан — 0,6 куб. метра⁹. Саночники, откатчики, обслуживая одного-двух забойщиков, обязаны были вывезти из забоя весь вырубленный уголь; расстояние от забоя до штрека, где уголь грузился в вагонетки, составляло 150, иногда 300 и более метров. Это расстояние, смотря по условиям в забое, рабочий должен был проползти с санками или пройти с тачкой, вмещавшей 50—60 кг угля. За смену откатчику нужно было делать 25—30 концов в забой с пустой тачкой и обратно — с грузеной¹⁰. Вагонетки от штрека до ствола и до клетки катались вагонеточниками вручную, позднее — лошадьми. Что касается крепильщиков, работавших по разным штрекам и забоям, то, по сообщениям старых шахтеров, каждый крепильщик должен был поставить 5 пар креплений и дополнительно добыть две вагонетки угля.

Зарботная плата для основных профессий шахтеров, по нашим материалам, выражалась в следующих цифрах: забойщик при двенадцатичасовом рабочем дне зарабатывал 50—70 коп. в день, или 15—16 руб. в месяц. Саночник получал в день 30—40 коп. в зависимости от расстояния, на которое он возил уголь. Погрузчик угля зарабатывал по 6—7 руб. в месяц; вагонетчик — 7—8 и до 9 руб. Детям и женщинам, работавшим на откачке воды, на воротах, платили 20—30 коп. в день.

Зарботная плата выдавалась на всю артель и распределялась между шахтерами с учетом их специальности по указанной выше шкале.

Выдавалась зарботная плата чаще всего один раз, в конце месяца. Выплата шла через подрядчиков и производилась у них на дому. Фактически это был расчет с рабочими за чай, сахар, муку, мануфактуру, подошвы и т. п., выданные им в течение месяца в рудничных лавках, принадлежавших англичанам, подрядчикам или купцам. Зарплата шла на погашение долга рабочих, и денег на руки рабочие, как правило, не получали, часто оставаясь еще в долгу.

В Караганде практиковались три способа выплаты заработка продуктами: 1) через заборные, или литерные, книжки; 2) путем выдачи рабочему подрядчиком талона на определенную сумму, на которую он мог в лавке забрать продукты в счет своей зарплаты; 3) путем выдачи купцом или торговцем рабочему векселя на определенную сумму.

К концу месяца все эти документы учитывались, и стоимость продуктов, забранных в лавках, вычиталась из зарботной платы шахтера; если шахтер не добирал продуктов на всю сумму — остаток получал деньгами, если перебирал, что случалось гораздо чаще, долг переписывался на другой месяц.

Преимущество в зарплате у русских рабочих перед рабочими-казахами или других национальностей не было, получали все одинаково, в зависимости от специальности.

Даже при сравнительной дешевизне продуктов питания и других товаров зарплату рабочих не хватало на более или менее сносное существование, так как действовала разветвленная система штрафов, уносившая значительную часть, иногда от $\frac{1}{3}$ до $\frac{1}{2}$ заработка рабочего.

Холостой рабочий жил в основном на зарплату, из которой он должен был, хотя бы изредка, уделять средства и на посылки родителям, жившим в ауле (чай, сахар, мануфактура); зато на какое-то время он в семье запасался продуктами питания (сухой сыр — «курт», сало, иногда мясо) и некоторыми предметами одежды или материалом на одежду (армячина, овчина). С помощью семьи он перебивался, не вылезая, однако, из долгов хозяину и лавочнику.

Положение семейного рабочего было еще более тяжелым, чем холостого. Поэтому, как правило, шахтеры очень поздно обзаводились семьями.

⁹ Полевая запись 1959 г., № 38.

¹⁰ Там же, № 7.

Большинство наших информаторов старшего поколения женились в возрасте за 30 лет. Так Егизгелдынов Абдраим женился 35 лет, когда скопил калым — 25 голов разного скота. Нуруб Ибрай женился 43—45 лет, когда трудился уже в советской Караганде, так как до этого был настолько беден, что не мог содержать семью. Поздно, 38—39 лет, женился и Сихимбаев Бекбосын, забойщик. Джусунбеков Токиш женился 37—38 лет и т. д.¹¹

Если у шахтеров или у их жен были родственники и какое-то хозяйство в ауле, семьи во многих случаях оставались там.

Следовательно, бюджет семьи шахтера в таких случаях слагался из заработка главы семьи и в значительной степени из средств, получаемых от сельского хозяйства. Только таким образом семейный шахтер мог прокормить свою семью.

Однако некоторая часть шахтеров после женитьбы порывала с аулом или не имела экономических и родственных связей с ним, и семья жила в шахтерском поселке. В таких случаях из аула переселялись не только члены семьи рабочего, но на новое место жительства переводилось все движимое имущество — имеющийся скот, а также юрта, утварь. Коров и коз имели многие шахтерские семьи, это обеспечивало семью молоком и в некоторой мере мясом.

Питание значительной части рабочих и их семей состояло главным образом из молочных продуктов — курт, еремшик, айран, получаемых в своем хозяйстве; мясо и сахар употребляли редко.

Холостые рабочие приготавливали пищу сами. Горячую пищу потребляли один раз в день — после работы, и то не ежедневно. Семейные рабочие питались более регулярно и чаще имели горячую пищу.

Жильем холостых рабочих был больше чем наполовину врытый в землю барак-землянка «жербарак», представляющий собой длинное в 12—15 м помещение из камня, дерна и караганника (кустарника), с плоской земляной крышей и сделанными в ней световыми отверстиями. Внутри барака по обе его стороны сооружались деревянные нары, на которых спали рабочие, посредине была русская печь, служившая для приготовления пищи и обогрева барака.

Семейные жили в юртах или строили себе землянки: рыли продолговатую яму глубиной 1,5—2 м, длиной 8—9 м, шириной 3—4 м. Стены обкладывались мелким камнем и несколько возвышались над землей, крыша была плоская, с отверстием для света, делалась из досок, караганника, земли и обмазывалась глиной. Землянка состояла из небольших сеней — «аузы», размером 1×1,5 м, хозяйственного помещения — «кора» или «кишкентай-кора» 4×4 м (маленький крытый двор) под одной крышей с жилым помещением — «тори». В кора помещался скот — корова, козы, ягнята, если он имелся¹². Если не было скота, жилище состояло только из сеней и жилой комнаты, в левом углу которой сооружался глиняный «казанджик» для приготовления пищи и обогрева жилища в холодное время года с дымоходом, выходящим на крышу.

Таким образом, в жилище рабочих имелись некоторые традиционные черты оседлого зимнего жилища скотовода. Из таких хаотично расположенных землянок, юрт и барачков состоял шахтерский поселок.

Обстановка жилища состояла из деревянной кровати, низкого круглого стола, разостланных на полу кошм и циновок. Пищу готовили в казане, чай кипятили в металлических чайниках, ставя их на отверстие очага, позже в самоварах; вместо чашек и пиал пользовались жестяными банками. Была в употреблении кожаная и деревянная утварь для жидких продуктов и воды.

¹¹ Полевые записи 1959 г., № 1, 7, 17, 20.

¹² Посемейные карточки, № 5, 7, 11, 13, 30, 1959 г.

Одежда шахтеров, как и убранство жилища и домашняя утварь, сохраняла национальные черты. Мужчины и женщины носили такую же по покрою и составу одежду, как и у себя в ауле, но беднее и проще, шитую чаще из покупных дешевых тканей — ситца, бязи, кумача.

Регулярного и систематического отдыха шахтеры не имели, и только по большим праздникам (рождество, пасха) хозяева прекращали работу и рабочие отдыхали.

Как говорилось выше, шахтеры женились поздно, в жены брали девушек, как правило, из своего аула, из бедняцких семей или сирот, выплачивая минимальный калым — 25 голов разного скота, или женились совсем без калыма. Мусульманский обряд бракосочетания часто и не совершался. Многие шахтеры сговаривались с девушками и увозили их к себе, женились «увозом». При анализе материалов посемейных карточек оказалось, что в 5 случаях из 21 браки совершались «увозом» по договоренности с невестой¹³, в двух случаях — с выплатой калыма¹⁴ и в остальных 14 случаях (у шахтеров старшего поколения, старше 50 лет) — являлись фактическими браками, без религиозного обряда, а в советское время были зарегистрированы в ЗАГС'е.

Среди шахтеров в советское время нередко случаи повторных браков, вызываемых смертью жены или мужа, иногда разводом. В наших материалах имеются факты шести-, трех- и двукратных повторений браков, но не зарегистрировано ни одного случая многоженства. При повторных браках жены namного, иногда вдвое моложе мужей.

Семья раньше состояла в основном из двух поколений — родителей и детей. Как правило, стариков — родителей супругов — в шахтерских семьях не было, так как многие шахтеры с детства были сиротами; в тех случаях, когда старики имелись, они чаще всего оставались в аулах из-за невозможности прокормиться только на заработок шахтера.

* * *

За годы советской власти и социалистического строительства Караганда превратилась в крупную угольную базу Советского Союза, в высоко технически развитый экономический район с добывающей и обрабатывающей промышленностью.

В 1931 г. состоялось специальное решение правительства СССР о строительстве в Караганде новых шахт, современных наземных сооружений, необходимых для добычи угля. В строительстве третьей угольной базы принимал участие весь советский народ. Братскую помощь оказали горняки Донбасса, прислав 400 квалифицированных рабочих-шахтеров и инженерно-технических работников для обучения шахтеров Караганды новым методам угледобычи и строительству новых шахт. Старые шахтеры Нуруб Ибрай, С. Ф. Бубнов вспоминают, что большинство рабочих в 1930-х годах были из крестьян, их учили строить шахты, добывать уголь¹⁵.

На первых порах в добыче угля было еще много старых приемов и орудий труда. Наряду с отбойным молотком, который появился в 1932 г., еще применялись кайло, ручная тачка и санки для вывоза угля из забоя и ворот, приводимый в движение лошадьё, для подъема угля на-гора.

Теперь Караганда стала одной из наиболее передовых в области механизации и усовершенствованных методов добычи угля.

В корне изменились и положение шахтеров на производстве, их жизнь и быт. Современные шахтеры — это многонациональный коллектив тру-

¹³ Посемейные карточки, № 5, 7, 11, 13, 30.

¹⁴ Там же, № 22, 28.

¹⁵ Полевая запись 1959 г., № 4.

жеников, в котором рука об руку работают русские, казахи, украинцы и др., прибывшие из разных концов Советского Союза.

По анкетным данным, собранным в четырех шахтах треста «Киров-уголь», основная масса карагандинских шахтеров люди молодые, в возрасте 20—40 лет. Шахтеры, достигшие пенсионного возраста (50 лет), обычно уходят на пенсию, и лишь незначительная часть остается работать дольше. Рабочие более двадцати профессий участвуют в добыче угля и в подсобных, сопровождающих операциях. Среди них ведущими являются профессии комбайнеров — машинистов угольных комбайнов, помощников машинистов, проходчиков и др. Все эти сложные специальности приобретаются рабочими с отрывом и без отрыва от производства в учебно-курсовом комбинате, в который входят различные курсы по специальностям, учебные пункты, ФЗО, техникумы и т. п.

Все основные трудоемкие операции — от проходки до транспортировки добытого угля — механизированы. Но дальнейшая механизация и усовершенствование в угледобыче продолжают, вводятся новые, более совершенные комбайны, механизмы для навалки угля в лавах, сложные комплексы, освобождающие шахтеров от буро-взрывных операций, все больше используются металлические крепления и т. д. При таких условиях, созданных современной техникой, труд шахтеров неизмеримо облегчен и обезопасен по сравнению с прошлым.

Рабочий день советских шахтеров — шесть часов; теперь созданы все необходимые условия для охраны здоровья шахтеров — усиленное питание, души, производственная одежда, дома отдыха, санатории и т. п. Наиболее рациональными и прогрессивными методами труда характеризуется работа комплексных бригад, где каждый имеет по несколько специальностей и в нужный момент может заменить любого работника, не ожидая вызова специалистов.

В корне изменились жизнь и быт карагандинских шахтеров. Будучи высококвалифицированными специалистами, они получают за свой труд соответствующую заработную плату, способную удовлетворить современные требования советских людей.

Шахтеры основных профессий — комбайнеры, помощники комбайнеров зарабатывают в среднем 250—450 руб. в месяц, мастера участка — от 250 руб. и выше, запальщики — 180 руб., электрослесари — 160—180 руб. и т. д. Шахтерские поселки, с новыми жилыми домами, общественно-культурными зданиями, благоустроены: там имеются водопровод, электрическое освещение, улицы асфальтированы, озеленены и являются по существу частями большого современного города Караганда, соединенными между собой различными видами транспорта — трамваем, автобусом, такси.

Современное жилище и поселки шахтеров Караганды относятся к двум периодам развития самой Караганды: 1) к 1930-м годам — к началу социалистического строительства и реконструкции шахт; 2) ко времени послевоенного строительства и развития Карагандинского угольного бассейна.

К первому периоду относятся шахтерские поселки, расположенные непосредственно около шахт. Для них характерны деревянные одно- и двухэтажные дома — бараки с комнатной и квартирной системой, принадлежащие шахтоуправлению, а также индивидуальные дома — глинобитные, построенные на деревянном каркасе, из сырцового кирпича или даже из дерна — «шима» (их называют «землянки»).

Такие дома, построенные самими шахтерами, носят следы индивидуальных запросов и вкусов хозяев и в значительной мере сохраняют традиционные национальные черты как в строительной технике и приемах, так и в планировке.

Послевоенное жилищное строительство в Караганде характерно прежде всего тем, что поселки расположены вдали от шахт, оттуда шах-

теры подвозятся на работу в специальных автобусах; эти поселки благоустроены, озеленены, улицы асфальтированы, хорошо освещены. Дома все кирпичные, двух- и трехэтажные, в виде коттеджей, на несколько семей, со всеми удобствами.

Дореволюционных жилищ шахтеров не сохранилось.

В зависимости от состава и размера семьи шахтеры располагают квартирами в 2—3 и более комнат, обставленными современной мебелью — кроватями, диванами, буфетами, шкафами для одежды и книг;

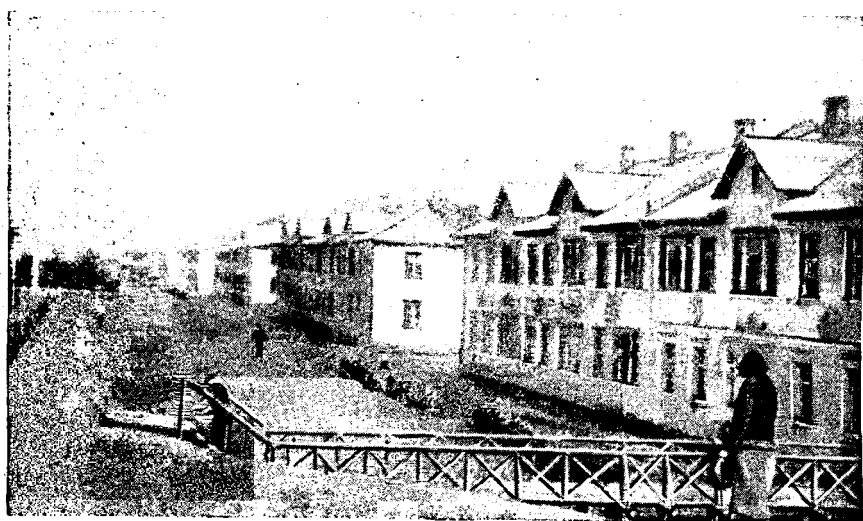

Рис. 1. Коттеджи рабочих в поселке шахты № 3-бис, 1959 г.

у многих имеются радиоприемники, телевизоры и музыкальные инструменты, вплоть до пианино. На полу и стенах — современные машинной и ручной работы ковры отечественного производства, а также привозные — китайские, болгарские и др., вышивки — рукоделие хозяек. На окнах тюлевые занавески, в комнатах много живых многолетних цветов.

Назначение комнат — спальня, столовая, гостиная или комната для отдыха, кухня. В семьях, где много детей, имеется детская комната.

Во всех квартирах, кроме квартир самых молодых производственников, имеется «тори» — комната для приема гостей и отдыха хозяина, обставленная по традиции: она почти без мебели, пол ее устлан П-образно цветными кошами — текеметами или сырмаками или хорошими современными коврами, ковровыми дорожками с подушками. Передняя стена завешана цветным полотнищем — тускизмом или ковром.

Современная одежда шахтеров и членов их семей относится к общегородскому типу с сохранением некоторых национальных черт. Так, старые шахтеры повседневно носят головной убор типа тюбетейки — «такью». В праздничной одежде старых шахтеров национальных черт сохраняется больше. У многих имеется довольно полный комплект национальной одежды: «борик» — шапка, с опушкой из лисьего меха, «кымал» — плечевая одежда из вельвета темных цветов, «шалбар» — штаны из такого же материала, заправляемые в мягкие сапоги, «тмак» — остроконечная шапка-ушанка из лисьего меха, «кымал-шалан» — теплая одежда, и др.

У женщин старшего поколения в обычной одежде также частично сохраняются национальные черты. У некоторых представителей старшего поколения имеются «койлек» — платье старого покроя, «камзол» — безрукавка, «кимешек» — головной убор.

Молодежь, как мужчины, так и женщины, одевается по-современному, покупая одежду в магазинах или заказывая в ателье. Высокий материальный уровень дает возможность одеваться хорошо, шить одежду из дорогих тканей для разных сезонов.

Современные браки оформляются в ЗАГС'е и сопровождаются празднеством, без религиозного обряда¹⁶.

Традиция женитьбы «увозом» — с согласия девушки частично сохраняется среди шахтерской молодежи. Но теперь дело здесь не в том, чтобы не заплатить калым за невесту (который как институт перестал существовать), а скорее как акт удальства и, может быть, как протест против взглядов старших, придерживающихся старых традиций. Современный увоз совершается молодым человеком с компанией товарищей на двух-трех машинах, по предварительномуговору с девушкой. Через шесть месяцев родители молодого идут к родителям его жены извиняться и улаживать дело, после чего молодожены отправляются к ним с подарками, происходит примирение родителей с молодыми, устраивается угощение, затем дочь забирает свое приданое от родителей и устанавливаются нормальные отношения.

В современных семьях шахтеров-казахов в 15 случаях из 30 обследованных главами семей являются отцы — старые шахтеры, ушедшие на пенсию, даже при наличии взрослых женатых сыновей, имеющих высокие заработки. Это объясняется, во-первых, тем, что старики пользуются большим уважением и авторитетом и у взрослых самостоятельных детей; уходя на покой, они продолжают руководить всеми семейными делами; во-вторых, тем, что высокие пенсии кадровых шахтеров (120 р. в масштабе новых цен) составляют в ряде случаев существенную долю бюджета семьи.

Работающие отдают свою заработную плату главе семьи, который распоряжается всеми расходами; приобретение предметов одежды, мебели и др. производится при совместном участии взрослых членов семьи. Но не только хозяйственное руководство остается за отцом: выбор профессии, учебы членов семьи происходит при активном и решающем участии отца. Поведение молодых людей находится всецело под контролем отцов. Это не значит, что над ними довлеют старые взгляды или ограничения, но всякие отклонения от современных норм морали строго осуждаются. Молодые женщины и девушки работают на шахтах в качестве сигнальщиц, газомерщиц, запальщиц, табельщиц, в ламповой, а также в швейных мастерских, фельдшерицами, медсестрами, бухгалтерами, педагогами и служащими. Заработок их во многих случаях одинаков с заработком мужчин; он поступает в общую кассу, но у девушек значительная часть его расходуется на приобретение приданого.

Современные казахские шахтерские семьи принимают живейшее участие в культурной и общественной жизни. Если среди старшего поколения встречаются еще неграмотные и малограмотные, то среднее и молодое поколения имеют образование не ниже 5—7 классов, кроме того посещают специальные курсы и школы; многие шахтеры, имея среднее образование, учатся в заочных отделениях техникумов и институтов.

Почти в каждой семье имеется небольшая библиотечка на казахском и русском языках. Во всех семьях выписывают газеты и журналы — местные и центральные, на двух языках.

Многие дети шахтеров обучаются в русских средних школах и прекрасно говорят по-русски, как, впрочем, и большинство взрослых рабочих.

Молодежь увлекается спортом — футболом, волейболом, легкой атлетикой, теннисом, коньками; многие имеют спортивные разряды, являются

¹⁶ Полевые записи 1959 г., № 1, 2.

ся участниками соревнований, входят в сборные республиканские команды, имеют грамоты.

Досуг и развлечения рабочих проходят так же, как и у всех советских людей. К услугам шахтеров кино, театры. В новом городе Караганда имеются дворец культуры шахтеров и районные клубы, где работают различные кружки, изостудия, детский хореографический ансамбль; участники кружков выступают на клубной сцене и непосредственно на шахтах — в нарядных.

Рис. 2. Семьи почетных шахтеров тт. Егизгельдынова и Шакирова, 1959 г.

При клубах — большие библиотеки, технические кабинеты, обслуживающие рационализаторов и изобретателей. Рабочие и служащие все шире вовлекаются в дела общественного контроля и помощи райсоветам по благоустройству, озеленению, работе транспорта, магазинов и проч. Новым в общественной жизни горняков является активное участие в ней пенсионеров, деятельность которых возглавляет Совет пенсионеров, избираемый на общем собрании пенсионеров того или иного района.

Самоотверженно трудятся карагандинские шахтеры, выполняя и перевыполняя планы, осваивая передовую технику и методы труда. Среди молодых производственников известны имена машинистов-комбайнеров Таушкина Еркеша, добившегося в 1957 г. всесоюзного рекорда добычи угля, Сусякова Ивана Алексеевича, перекрывшего этот рекорд, и др.

Карагандинские шахтеры свой опыт охотно передают работникам других бассейнов, а также шахтерам стран народной демократии, принимая в то же время все лучшее в их работе. Молодые шахтеры Альбатьров Максуд, Таушкин Еркеш, Нуруб Аклас, Нурмаганов Акяш и другие побывали у шахтеров Чехословакии, Польши, Китая. Горняки стран народной демократии также приезжали к шахтерам Караганды.

* * *

Изучение быта рабочих Казахстана, в частности Караганды, только началось. Но нам кажется, что и приведенный материал выявляет некоторые особенности в формировании рабочего класса и специфические черты в дореволюционном быте шахтеров-казахов, а также то новое, что характерно для современности.

SUMMARY

Very little attention has been paid to the ethnographic investigation of the Kazakh workers, and specifically miners. The present article sets forth some of the results obtained in 1959 by an expedition which studied the Kazakh miners of Karaganda. The author cites information collected from the veteran miners about the extremely hard conditions of life and work in pre-revolutionary Karaganda. There is a brief outline of the present-day life of miners in socialist Karaganda, which ranks third among the coal basins of the USSR and is provided with the most up-to-date equipment facilitating the workers labour. The workers are earning good wages, which enables them to satisfy their steadily growing material and cultural requirements. Characterized in the article are also some of the aspects of the miners' life today — their homes, clothing, family life — which testify to the new, high cultural standards of the Kazakh workers.
